

ЭТОТ ВЕЗДЕСУЩИЙ В. М. ГУЗИЙ (К 80-летию)

Как быстро, досадно быстро летит время. Той далекой осенью 1963 года, когда я впервые увидел его, ему было всего 35 лет. «Молодой человек», – сказал бы я сегодня, но тогда он казался мне умудренным годами мэтром, к тому же, облеченным высокой должностью и положением. Между нами была дистанция огромного размера: я – начинающий студент, он – проректор консерватории, вершитель всего и вся. Постепенно эта дистанция сокращалась, а со временем и вовсе исчезла: мы стали коллегами, товарищами по работе, параллельно выполняя проректорские обязанности. Однако по-прежнему рядом с ним я чувствую себя немножечко студентом.

Наше знакомство началось с курьеза. Впервые я прочитал фамилию «Гузий» в телеграмме о моем отчислении из числа студентов Новосибирской консерватории. Дело было так. В июле 1963 года я приехал из Свердловска поступать в Новосибирскую консерваторию, успешно сдал экзамены, был принят и благополучно вернулся домой догуливать лето. Но тут в меня «вцепился» военкомат: я ведь был в счастливом призывном возрасте, а отсрочки от призыва в связи с обучением в вузе в те годы не предоставлялись. Признаюсь, я больше хотел учиться в консерватории, чем служить в армии, а потому всеми силами пытался от нее «откосить». В результате двухмесячного напряженного «диалога» с военкоматом (подробности упускаю, они здесь не важны) мне это удалось. Но на дворе уже была глубокая осень, и в канун великого праздника Октября, получив желанную отсрочку, я послал в Новосибирскую консерваторию телеграмму с оплаченным ответом, где написал, что по уважительным причинам я вынужден был задержаться, но в настоящее время готов приступить к исполнению своих студенческих обязанностей. Оплаченный ответ пришел тут же (эта телеграмма у меня хранится до сих пор); в нем говорилось, что я отчислен из консерватории как не приступивший своевременно к занятиям, а под этим «уведомлением» стояла подпись – проректор Гузий. Я стал звонить в Новосибирск своим новым друзьям-однокурсникам, пытаюсь узнать, кто такой Гузий (во

время приемных экзаменов его еще не было в консерватории), на что всякий раз получал загадочный, интригующий ответ: «Приедешь – узнаешь».

Когда я приехал, на меня обрушился шквал информации о новом проректоре, который буквально взбудоражил консерваторию своими неординарными действиями. Доска приказов не вмещала всех взысканий, выговоров и отчислений – ее пришлось расширить. Перед его кабинетом стояли толпы желающих попасть на прием. Отстояв очередь, я, наконец, увидел его воочию. Внешность описывать не буду, он с тех пор совсем мало изменился (или мне так кажется), а вот разговор я хорошо запомнил. Выслушав меня, В. М. Гузий немногословно и как-то весело (улыбка не сходила с его лица) предложил мне приступить к занятиям... со следующего учебного года. Я робко попытался возражать, но его аргументы были столь убедительны,

тельными и вескими, что вскоре я сам готов был под ними подписаться. Спорить с ним почти бесполезно. Впоследствии мне не раз приходилось вступать с ним в жаркие дебаты, до хрипоты. Впрочем, до хрипоты доходил я, В. М. сохранял в отстаивании своей позиции невозмутимость, олимпийское спокойствие и железобетонную логику.

На должность проректора по учебной работе Гузия пригласил ректор Новосибирской консерватории А. Н. Котляревский. Они были знакомы еще по Львову, где Владимир Михайлович окончил консерваторию как тромбонист по классу П. Гуляева (ученика знаменитого педагога-тромбониста профессора В. Блажевича). Вслед за Львовской консерваторией последовала аспирантура в Институте искусствознания, фольклористики и этнографии Академии наук Украины. Это очень важный момент в биографии юбиляра, позволивший ему в дальнейшем равно успешно ориентироваться в исполнительских и музыковедческих проблемах. Собственно говоря, он и начал в 1955 году свою преподавательскую деятельность в Киевской консерватории с ведения курсов истории украинской музыки, народного творчества, архивно-библиографической и редакторской практики. К моменту приезда в Новосибирск Гузий уже имел и немалый административный опыт, приобретенный в Киеве, где он был руководителем сектора практики и НСО, заведующим учебной частью консерватории, зам. начальника Управления учебных заведений Минкультуры Украины, методистом-консультантом музыкальных школ Киева, руководил республиканскими методическими семинарами и педагогическими чтениями. И это все в 30 с небольшим лет!

С первых же дней своей деятельности в Новосибирской консерватории В. М. Гузий занял положение лидера вуза. Без него не решался ни один вопрос: от учебных или научных до хозяйственных, строительных или финансовых. Владимир Михайлович был прекрасным организатором научной жизни вуза. Именно при нем в консерватории начали проводиться масштабные межвузовские научные конференции с приглашением гостей из всех республик бывшего Советского Союза. Многие их участники стали в дальнейшем крупными учеными. Он активизировал методическое сотрудничество консерватории с музыкальными училищами огромного региона Сибири и Дальнего Востока, проводя многолюдные, разнопрофиль-

ные смотр-конкурсы; наладил деятельность НСО, добился открытия аспирантуры. При Гузие было возведено общежитие консерватории, надстроен 4-й этаж, началось сооружение концертного зала. По сути, он был начальником всех строительных работ: В. М. и в этих вопросах ориентировался так же свободно, как в учебных или научных, мог смело на профессиональном языке давать указания прорабу. Помимо того он разбирался во всех экономических расчетах и вполне мог бы занять должность главного бухгалтера. Он также, будучи по основному образованию тромбонистом, заведовал кафедрой духовых инструментов, а как музыковед, прекрасно ориентированный в библиотечном и архивном деле, вел у теоретиков архивно-библиографическую практику. Поиску литературы по заданной теме, культуре оформления библиографических списков и умению работать с каталогами я научился именно у него.

Словом, он был вездесущ. О нем рассказывали байки, анекдоты, он был героем всех капустников, давая богатый материал исполнителям его роли, про него писали стихи, даже любимицу всех студентов – общежитскую собаку назвали его именем: Гузик. Но в этом его всеприсутствии, как оказалось, таилась и своя обратная сторона, приводившая к негативным последствиям. Его всеохватная деятельность невольно выдвигала его на положение первого лица в вузе, коим де-юре он не являлся. Поэтому почти восторженное поначалу приятие всех его деяний вышестоящим руководством (ректором и чиновниками различных уровней) постепенно сменялось глухим раздражением, которое, все более накапливаясь, приводило к осложнению отношений, открытым конфликтам и, в конечном счете, краху. В Новосибирске на развертывание этого «сюжета» ушло четыре года, в Ростове, где все процессы строительства (в буквальном и переносном смысле этого слова) вновь созданного вуза протекали куда динамичней, хватило одного. Но он, словно жизнь ничему его не учила, с поразительной «упертостью» оставался верен своей схеме: **дело** прежде всего, дипломатия подождет. При этом в любых ситуациях он сохранял поразительное спокойствие. Я думаю, оно нелегко ему доставалось, он глубоко переживал (да и как могло быть иначе), когда начинало рушиться дело его рук. Но внешне он оставался совершенно невозмутимым.

Его вообще было абсолютно невозможно вывести из состояния равновесия, заставить повысить

голос. Он на все реагировал как на нечто само собой разумеющееся. Хорошо помню один забавный эпизод. Я сидел у него в кабинете на занятии по библиографии, Владимир Михайлович проверял правильность заполнения каталожных карточек. В это время стены вдруг затряслись, чернильный прибор поехал по столу, люстра закачалась. Я, как человек эмоциональный, стал издавать какие-то непроизвольные и удивленные восклицания, типа: «Боже! Что происходит?! Что это такое?!» Гузий, не поднимая головы и не отрывая глаз от очередной карточки, спокойно и невозмутимо ответил: «Ну, как что? – Землетрясение. А точку здесь ставить не нужно, здесь должна быть запятая». В его устах слово «землетрясения» прозвучало так, как будто в Новосибирске землетрясения бывали, по меньшей мере, каждую неделю, хотя последнее, как я узнал потом из газет, было более ста лет тому назад.

А вот еще одна «зарисовка» из той же серии. 9 мая 1965 года отмечалось двадцатилетие Победы. Напротив консерватории, в Первомайском сквере, установили артиллерийские орудия, из которых должен был производиться салют. А в малом зале состоялся праздничный вечерний концерт. Через какое-то время после начала концерта Владимир Михайлович вышел на сцену (он напоминал в это время полководца), объявил антракт и попросил публику выйти из зала. Все собравшиеся только успели освободить зал, и в это время раздались артиллерийские залпы. Оконные стекла разлетелись вдребезги, осколки полетели в зал – к счастью, он был уже пуст. Стало понятно, что Гузий все рассчитал до секунд, было ощущение, что салютом руководил тоже он, что именно у него находился пульт управления всеми праздничными мероприятиями. Когда салют окончился, Владимир Михайлович пригласил всех вернуться в зал, и концерт продолжился. Но что меня потрясло более всего: в вестибюле уже стояли ящики с новыми стеклами, которые он предусмотрительно заранее заказал.

В любом деле, за какое бы он ни брался, он проявлял редкую целеустремленность, последовательность и убежденность. Трудности не останавливали его; скорее напротив, они его еще более подстегивали, он любил вступать с ними в единоборство, любил их преодолевать, испытывая азарт и радостную приподнятость – «есть упоение в бою». По этому назначению Гузия проректором вновь созда-

ваемого вуза в Ростове, сотворение института с нуля стали для В. М. звездным часом. Здесь ему была предоставлена арена действий с таким количеством проблем, от которого затосковал бы любой другой. Только не он. Прежде всего, нужно было решить вопрос кадров, причем решить так, как ему присуще, то есть по максимуму. Новый вуз мыслился ему только с высококлассной профессурой. И он разыскивает ее по всему Советскому Союзу: в Москве, Алма-Ате, Ташкенте, Киеве, Горьком, Владивостоке, и, конечно, Новосибирске, откуда с ним приезжает ряд ведущих педагогов. Он настолько заражает всех своим энтузиазмом и убежденностью, что ему верят. Г. Коган, В. Топпин, Я. Слободкин, А. Амитон, С. Куцовский, М. Дрейер, А. Зданович, М. Ожигова, Б. Зейдман, Н. Орлов, Л. Хинчин, Н. Тифтикиди – какие имена, люди-легенды!! Именно они закладывали традиции вуза, формировали школы, обеспечивали тот запас прочности, который позволил впоследствии Ростовской консерватории стать одним из самых динамично развивающихся вузов.

Но педагогов такого уровня нужно было обеспечить достойными условиями жизни. Конечно, было распоряжение правительства о выделении квартир, но правительство – оно где? А квартиры нужны были здесь и сейчас. И Гузий, с невозмутимой методичностью обходя кабинеты высокого руководства города и области, доказывая, убеждая, добивается-таки получения институтом более десятка квартир.

Другой, не менее сложной проблемой было состояние учебного корпуса. К началу июня, когда В. М. Гузий приступил к работе в должности проректора, в здании на Буденновском помещались «Сельхозтехника» и еще масса разных контор. Все их необходимо было расселить, здание же нуждалось в капитальной реконструкции. А еще предстояло где-то провести вступительные экзамены. Когда я, по предварительной договоренности с Гузием о переводе из Новосибирской консерватории, впервые приехал в Ростов, на дворе был август 1967 года. Приемные испытания в РГМПИ шли везде: в помещении школы им. Чайковского, в Окружном доме офицеров, а здание будущего института представляло собой стройплощадку, причем строительство было в самом разгаре. А ведь до начала занятий оставалось менее месяца! Владимира Михайловича я застал в состоянии спокойной уверенности, как всегда, делового, энергичного и абсолют-

но не сомневающегося в успехе. Он присутствовал на вступительных экзаменах по всем специальностям и одновременно руководил строительными работами... 3 сентября, в перестроенном, сияющем здании, строго по расписанию начались занятия.

Учебный процесс был организован идеально и находился (впрочем, как и все в вузе) под личным контролем проректора. Он знал каждого студента, всю его подноготную, знал все его академические успехи и просчеты. Уровень требований был установлен Гузием высочайший, здесь все было так же по максимуму. Тройка на экзамене, в том числе и по специальности, считалась вполне нормальным баллом. Вот некоторые его излюбленные фразы, «крылатые выражения» (они настолько часто звучали в учебном обиходе, что их знал каждый студент, а впоследствии они были увековечены в сценариях капустников)¹: «Если работа мешает учебе... нужно бросать учебу», «Я не хочу, чтобы Вы шли за мной, я хочу, чтобы Вы шли рядом со мной», «Студент делает успехи, можно ставить „тройку“», «Детский сад, масштабы не те», «Это невузовский уровень», «Планку надо выше держать»; студентам-музыковедам: «Вы как курочка: она одно зерно видит, а то, что рядом, – нет», «Мыслить надо – я взываю к Вашему верхнему этажу».

Был даже случай, когда всем студентам-музыковедам курса на экзамене по истории музыки были поставлены двойки. В воспитательных целях. Слово одной из «двоечниц», студентке первого набора **Инне Гордон** (в девичестве – **Холиной**)²:

Сентябрь 1967 года. Я новоиспеченная студентка теоретико-композиторского факультета новоиспеченного вуза – Ростовского государственного музыкально-педагогического института. Мне 20. Владимир Михайлович Гузий – проректор по учебной и научной работе. Ему 39. Он кажется мне уже старым, хотя излучает мощную энергию. Вуз словно дышит его легкими. Я почти уверена, что он видит сквозь стены и засекает каждую минуту моего безделья. Сейчас, по прошествии 40 лет, я думаю, что в тот год Владимир Михайлович контролировал практически каждого студента, ведь учился только первый курс. Встречаясь с ним в коридорах, я съезживалась и остро ощущала собственное несо-

¹ Эти сценарии хранятся у меня все от первого до последнего (как-никак моя первая неформальная должность – «председатель капусткома»), по ним можно писать историю вуза.

² Гордон (Холина) Инна Сергеевна – окончила с отличием РГМПИ в 1972 году, с 1980 года живет в г. Хайфа (Израиль), преподаватель музыкальной школы.

*вершенство. Всегда нагруженная кипами нот, которые тащила в обеих руках, я старалась поскорее скрыться от его строгого, испытывающего взгляда и немедленно начать заниматься. И не напрасно. По настоянию проректора **всем** студентам нашего факультета были поставлены двойки на экзамене по истории зарубежной музыки в конце первого семестра. Так бывает? У Гузиев бывает: «невузовский уровень»! Он не боится нестандартных поступков, да и вообще ничего и никого не боится. Я получила урок: с того раза по истории и зарубежной, и русской музыки никогда не получала ниже «пятерки».*

Преподавая нам библиографию, Владимир Михайлович заставлял нас писать огромное количество библиографических карточек. Мы стонали, чертыхались, пели про него частушки в капустниках, которые были ему, что слону дробина, но... писали. Вглядываясь в глубокую пропасть времени, я вижу его бодро шагающим по коридору с большим подносом, который он прижимает к боку правой рукой. На подносе – горы исписанных студентами карточек. В левой руке объемистый портфель, также набитый карточками. Студенты хихикали у него за спиной. Вскоре те же студенты устроили бурное собрание протеста против предполагаемого смещения В. М. Гузиев с должности проректора. Слишком он был принципиален и неподкупен для городских властей. Мы выступали, кричали, перебивая друг друга, некоторые студентки плакали. Все это не дало результата: на втором году существования вуза, им основанного, Владимир Михайлович уже не был проректором...

К эпизоду отставки В. М. Гузиев стоит вернуться. В статье, написанной к его юбилею для газеты «Музыкальное обозрение» моим другом и коллегой А. Селицким, удивительно емкой, прекрасно воссоздающей портрет юбиляра, эта страница биографии нарисована, пожалуй, в смягченных красках: «Непокладистый, настойчивый, беспартийный, пришлый проректор вуза вызывал у властей сильнейшее раздражение. В 1968, чувствуя, что отношения с партийным начальством вредят институту, он подает заявление об уходе с руководящих должностей. Студенты единственного полного курса писали письма, потом устроили собрание в его защиту. Чтобы такого жесткого начальника поддерживали «снизу» – это дорогого стоит!»³

³ Селицкий А. Административный ресурс // Музыкальное обозрение. 2008. № 2.

Насчет раздражения властей, «защитного» собрания студентов – это все так. А вот что касается самолично поданного заявления об уходе... Нет, все происходило куда драматичней. Заявление, возможно, и было, но ему предшествовало страшное, уничтожающее собрание педагогического коллектива с приездом специально командированного представителя Министерства культуры, безобразными обвинительными выступлениями (явно заказного характера) некоторых партийных профессоров, в том числе и тех, кому Гузий немало помог в жизни. Что только ему не вменялось в вину: от грубых финансовых нарушений до сомнительного морального облика. Это было настоящее аутодафе в лучших традициях советской репрессивной системы. Как все это можно было пережить: ложь, предательство, публичные оскорбления? Но на следующий день он появился в институте – спокойный, с неизменной улыбкой, уверенный в своей правоте. Что там происходило в его прилюдно оплеванной душе, так и осталось для всех тайной.

С первых дней существования института в нем забурлила научная и концертная жизнь – ею тоже руководил В. М. Гузий, он ведь был проректором «по всем вопросам». Уже через три месяца с момента открытия вуза была организована научная конференция с участием педагогов и студентов, посвященная 50-летию советского музыкального искусства. Вскоре группа педагогов выехала на конференцию в Ленинград. На концертных площадках города – в Доме офицеров, филармонии, ТЮЗе – стали выступать вновь образованные коллективы РГМПИ.

Особое внимание проректор уделял формированию библиотеки, считая ее едва ли не самым важным звеном всего жизнеустройства вуза. Библиотека – это слабость Гузиев, его любимое детище. Он собирал ее по крупицам. Выписывал литературу из-за рубежа и скупал у пенсионеров, исследовал загнившие букинистические магазины и экспроприировал музыкальные издания городской библиотеки, предварительно заручившись согласием управления культуры. Ему удалось скупить многие редкие нотные издания, книжные раритеты, полный комплект журналов «Советская музыка» и «Музыкальная жизнь», справочно-энциклопедические тома. Словом, уже в первый год существования библиотеке РГМПИ было чем гордиться, она насчитывала десятки тысяч единиц хранения. Формированием и обучением штата библиотечных

сотрудников тоже занимался Гузий – библиотечное дело он знал досконально, в его ведении была и организация всей библиографической работы, требующей особой тщательности и профессиональной оснащенности. Когда он был освобожден от всех руководящих постов (он еще заведовал кафедрой духовых инструментов и с этой должности был тоже снят), библиотека оставалась его неизменным пристанищем – он продолжал ежедневно приходить туда, так же любовно занимался комплектованием ее фонда, консультировал сотрудников.

Когда в конце 80-х годов, по прошествии свыше 20 лет, Гузий оказался вновь востребован в должности проректора (сначала по науке, а затем по учебной работе) и зав. кафедрой духовых и ударных инструментов, это был уже немолодой, отметивший свое шестидесятилетие человек, не раз переживший взлеты и падения, как говорится, видавший виды. В основном и главным он остался тем же: энергичным, целеустремленным, принципиальным, требовательным к себе и другим, обладающим редкой работоспособностью и самообладанием. Но все в нем несколько смягчилось, уже не было той жесткой категоричности, непокладистости и бескомпромиссности. В нем даже стал проступать некоторый «лиризм».

И. Гордон:

Апрель 1996 года. Я с волнением подхожу к любимой консерватории. Вхожу в холл и сразу поворачиваю налево, прямо в проректорский кабинет. Минуло 24 года. Сколько событий произошло в моей жизни за это время! Я жила будто на другой планете, по ту сторону «железного занавеса».

Все забывается в одну секунду. Время останавливается в том же кабинете, за тем же столом сидит ни капли не изменившийся проректор по учебной работе В. М. Гузий. И снова я робею под его строгим вопросительным взглядом.

– Владимир Михайлович, Вы меня узнаете?

– Лицо знакомое, а фамилии что-то не припомню.

– Инна Холина.

Лицо Гузиев остается таким же невозмутимым.

– А, вон оно что!...

Ну, кто еще мог бы так отреагировать на мое неожиданное появление?! И все-таки мне удастся его пронять! На лице Владимира Михайловича вдруг появляется не свойственное ему мечтательное выражение:

– Да, давно это было, сколько лет прошло...

Выхожу из кабинета такой счастливой, какой никогда прежде не выходила из этой комнаты.

В новой старой должности В. Гузий сразу же энергично включился в работу. Он организовал ежегодные «Недели науки», в которых принимали участие педагоги всех, в том числе и самых «ненаучных» кафедр; провел солидную Всесоюзную конференцию и фестиваль «Отечественная культура XX века и духовная музыка» под эгидой Министерств культуры СССР и РСФСР с участием «звезд» советского музыкознания: Ю. Н. Холопова, В. В. Медушевского, Н. А. Герасимовой-Персидской, ведущих музыковедов из НИИ и консерваторий Москвы, Ленинграда, Кишинева, Еревана, Ташкента, Алма-Аты, Душанбе, Киева, Одессы и других городов (сейчас бы эта конференция имела статус международной) и последующей публикацией материалов. Позже по линии кафедры духовых и ударных инструментов им была организована теперь уже международная не менее представительная конференция «История, теория и практика исполнительства на духовых и ударных инструментах», к участию в которой он привлек знаменитых профессоров-духовиков из России, Белоруссии, Молдовы, Литвы, Узбекистана, Украины, таких как Ю. А. Усов, А. Т. Скобелев, А. А. Федотов, И. Ф. Пущечников, В. В. Сумеркин, Б. В. Ничков, А. К. Будрис. (Материалы форума были также затем изданы). На этой конференции В. М. Гузий изложил свой взгляд (как всегда, предельно конструктивный) на вузовский курс методики преподавания на духовых и ударных инструментах. Суть предложенной им идеи – максимальное приближение курса к условиям будущей практической деятельности, причем не только педагогической, но и административно-управленческой, а поэтому он должен превратиться в своего рода модель отделения духовых и ударных инструментов музыкального училища. Студенты, помимо преподавания, будут выполнять здесь все другие функции (вплоть до заведования отделением), и, таким образом, осваивать реальное многообразие форм деятельности преподавателя среднего звена, в том числе, таких как планирование и ведение учебной документации, выполнение учебно-воспитательной работы, взаимопосещение занятий с последующим анализом и т. п. Из вуза должны выходить специалисты, оснащенные всем комплексом навыков педагога и уп-

равленца⁴. Сейчас бы это назвали инновационным педагогическим менеджментом, но тогда подобные слова еще не вошли в обиход.

Впечатляющие результаты педагогической деятельности Гузиев хорошо известны, из его классов тромбона и тубы, камерного и духового ансамбля вышли лауреаты международных, всесоюзных, всероссийских конкурсов: Е. Гнездилов, Г. Гречухин, А. Маркович, Ю. Ячменцев... Но мне лично лишь изредка доводилось наблюдать его занятия со студентами-исполнителями, Гузиев-педагога я знаю, пожалуй, менее всего. Однако я немало слышал рассказов о нем от «очевидцев», и дабы не пересказывать их своими словами, предоставлю им слово.

А. А. Снапков⁵:

Владимир Михайлович в занятиях предельно организован, точен и даже пунктуален до педантизма. В то же время он умеет создать в классе такую творческую атмосферу, что с его занятий уходил наполненным массой впечатлений и новых знаний. Требовательность, строгость в работе над тем или иным сочинением у него сочетаются с вдохновенностью. Его безукоризненное чувство стиля, понимание эмоционально-образного содержания произведения, которое он прививает студентам, забота о чистоте и выразительности интонации, образности мышления – свидетельство большой компетентности многоопытного педагога. На занятиях он, прежде всего, музыкант, а уж потом тромбонист или тубист. Мне доставляло большое удовольствие наблюдать, как он свободно вторгался в сферу пианизма, как учил концертмейстера аккомпанировать то или иное сочинение, играть тот или иной фрагмент. И всегда его замечания были верны, точны и уместны. Он мастер камерного музицирования, ансамбля. Не могу забыть, как он, слушая дуэт флейты и фортепиано, сказал: «А что это вы друг другу аккомпанируете?» И я подумал: «Как точно подмечено!» Он услышал, что на определенном отрезке времени у обоих музыкантов была потеряна инициатива.

⁴ Гузий В. К вопросу усовершенствования вузовского курса методики преподавания на духовых и ударных инструментах // История, теория и практика исполнительства на духовых и ударных инструментах. Ростов н/Д., 1997.

⁵ Снапков Александр Андреевич – доцент Ростовской консерватории, проходил ассистентуру-стажировку под руководством В. М. Гузиев, работал концертмейстером группы тромбонов Ростовского Академического симфонического оркестра.

Рассказывает выпускник класса В. М. Гузиев, победитель одного из самых сложных и престижных в 70–80-е годы конкурсов – Всесоюзного конкурса исполнителей на духовых инструментах в Таллинне **Александр Маркович**⁶ (его рассказ содержит настолько колоритные жанровые зарисовки, что я привожу его почти без сокращений):

В класс Владимира Михайловича меня привела, как ни странно, добросовестность. Будучи прилежным теоретиком первого курса и решив изучить оркестровку во всей ее полноте, я счел необходимым поиграть на каком-нибудь инструменте (хоть на треугольнике) в симфоническом оркестре. Но в студенческом оркестре все места оказались заняты, кроме тубы. Тогда я пришел к В. М. с вопросом, не могу ли я взять у него пару уроков, чтобы потом играть в симфоническом оркестре (какая самоуверенность!). Ответом было скептическое: «Ну, для симфонического оркестра пара уроков, может, и маловато, но Вы приходите»...

Через несколько месяцев занятий дела пошли настолько хорошо, что мне было предложено перейти на оркестровый факультет. Аргумент у В. М. Гузиева был весомый: «Саши, посмотрите на эти толпы голодных безработных музыковедов (выразительная пауза). А у Вас всегда будет работа и кусок хлеба с колбасой». Колбаса перевесила науку, и я перевелся на оркестровый факультет.

Вообще, нужно заметить, что язык В. М. чрезвычайно образный. Так, на одном из уроков он произнес фразу, которая навсегда исправила мое звукоизвлечение: «Шкварки хороши с кашей, но не с тубой».

Вспоминается такой эпизод. Как-то в библиотеке я попросил выдать мне какие-то редкие ноты, но мне отказали, так как это был последний экземпляр. Я обратился за помощью к Гузию, который курировал библиотеку. Он категорически запретил выдавать; вдобавок, повернувшись к библиотекарю, сказал: «А к моим студентам относитесь в 10 раз строже».

Принципиальность и бескомпромиссность, которые, может, не слишком удобны окружающим и почти всегда губительны для карьеры, были колоссальным воспитательным средством. И часто впоследствии, поступая тем или иным образом, я

⁶ Маркович Александр Матвеевич – окончил РГМПИ в 1980 году, лауреат Всесоюзного конкурса, работал артистом Ростовского симфонического оркестра и мастером-настройщиком в фортепианной мастерской РГМПИ и Ростовской филармонии, с 1990 года живет и работает в Нью-Йорке.

понимал, что это будет действовать против меня, но зато дает бесценную возможность оставаться самим собой.

Будучи невероятно работоспособным и организованным человеком, Владимир Михайлович всегда ожидал того же и от других. Вот еще пара эпизодов в лицах:

В. М.: Саши, почему бы Вам не поучаствовать во всесоюзном конкурсе в Таллинне?

Я: Куда мне, Владимир Михайлович, там москвичи, ленинградцы...

В. М.: А Вы когда-нибудь были в Таллинне?

Я: Нет, никогда.

В. М.: Ну вот, посмотрите бесплатно красивый город.

Уже в Таллинне, идет репетиция в зале. В. М. останавливает меня в середине пьесы.

В. М.: Вы приехали в прекрасный город...

Я смотрю и недоумеваю...

В. М.: Живете в шикарной гостинице...

Я все еще не понимаю...

В. М.: Вкалывать надо!!!

(А в Ростове говорил, что я еду просто посмотреть красивый город).

После конкурса возвращаемся в родной Ростов. Все поздравляют меня с победой. Вскоре я получаю диплом об окончании института.

В. М.: Саши, я не понимаю, каким образом Вам выдали диплом. По моим подсчетам у Вас не сдано два технических зачета.

Я: Что же мне теперь делать?

В. М.: Готовьтесь, приходите и сдавайте Ваши 40 этюдов.

Я: Но я же лауреат Всесоюзного конкурса! И вообще уже окончил институт...

В. М.: Это не имеет значения, за Вами долг!

Пришлось приходиться и сдавать. Правда, из 40 этюдов В. М. Гузий принял только два. Остальные, наверное, уже так и не сдам.

Время и жизнь разбросали его учеников по разным городам и странам. Волею судьбы мне пришлось стать главным настройщиком фортепианной фирмы «Стэйнвэй» в Нью-Йорке. На тубе я играю только по выходным дням в симфонических оркестрах районного масштаба. Но Владимир Михайлович всегда со мной, мой Камертон, Путеводитель по жизни, Мастер, Личность.

В. М. Гузиев – 80. В это как-то с трудом верится. Да и юбиляр всячески подчеркивает прозаичность, малую значимость этой даты. В день своего рож-

дения он строго по расписанию, в положенное время приходит на занятия и отрабатывает «от звонка до звонка». Но, увы, приходится принимать множество поздравлений. Что же делать, Владимир Михайлович? В этот день Вас многие вспоминают. Вы оставили слишком заметный след в жизни каждого, кто с Вами сколько-нибудь близко общался.

И. Гордон:

9 января 2008 года. Я торопливо набираю длинный международный номер телефона – звоню Владимиру Михайловичу, чтобы поздравить его с 80-летием. Мы только что виделись в Ростове на праздновании 40-летия консерватории. Он узнаваем мгновенно и теперь не кажется мне старым.

– Алло!

– Владимир Михайлович?

– Да.

– Здравствуйте. Это Инна Холина из Израиля.

– Инна!!! Ну и номер Вы откололи!!

Впервые в жизни слышу, как Гузий вскрикивает. Неужели мне удалось сделать ему сюрприз? Чувствую, как он обрадован и тронут.

– Здоровья Вам, дорогой Владимир Михайлович! Примите мою искреннюю симпатию и горячую благодарность за все.

Примите симпатии и благодарности от многих Ваших учеников, бывших и настоящих, от коллег и друзей, от сослуживцев, с которыми Вы долгие годы работали рука об руку. Ну, и персонально от автора этих строк. Вспоминаю, еще в Новосибирске, каких-то 40 с лишним лет тому назад, когда Лия Яковлевна Хинчин на Вас за что-то была сердита (а Вы для этого всегда давали достаточно поводов), она в сердцах мне говорила: «Этот Ваш Гузий!...» «Почему мой?» – спрашивал я. «Вы же в него влюбились», – отвечала она со смешанным чувством иронии и ревности. Не знаю, каким более точным словом обозначить мое отношение к Вам, к Вашей деятельности, к ее масштабам и размаху; во всяком случае, и тогда и в дальнейшем она вызывала у меня искреннее восхищение, включая те нередкие случаи, когда взгляды наши на тот или иной предмет оказывались полярно противоположными. И сегодня, по-прежнему находясь во власти этого чувства, я желаю Вам здоровья и долголетия.